

КТО БЫЛ “ЗАЧИНАТЕЛЕМ” НАРОДНОЙ ВОЙНЫ В 1812-М ГОДУ?

© 2006 А.И.Попов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

В статье проанализирован вопрос о том, кто явился инициатором и организатором народного вооружения (ополчений и кордонов) в Отечественной войне 1812 г. Актуальность проблемы обусловлена тем, что этот вопрос, как и вопрос о партизанской войне, был основательно искажён и фальсифицирован в марксистской литературе в угоду её основному постулату о ведущей роли народных масс в истории.

В разные эпохи отечественные учёные по-разному отвечали на этот вопрос. Дворянские историки считали таковым императора Александра I. Доказательством этого служили его воззвание к Москве и манифесты от 6/18 и 18/30 июля о созыве губернских ополчений. “Вся Россия должна была ополчиться, - писал А.И. Михайловский-Данилевский. - До издания манифеста 6-го июля защита государства была вверена *одному только войску*”, а после призывов царя “*свойство войны должно было измениться и принять новый вид*”, она стала “народной”, а точнее национальной.¹ Кроме того, смоленское дворянство, “еще до получения манифеста об ополчении отправило к государю просьбу: дозволить временно вооружить до 20-ти тысяч человек или более в подкрепление регулярных войск”; следовательно, “смоленские дворяне первые вызвались на защиту отечества”.²

В буржуазной историографии акценты несколько изменились. Монарх был отодвинут на второй план, и инициатором народного вооружения стали выставляться военное командование и дворянство. Народные дружины стали всё чаще отождествляться с партизанскими отрядами, и на повестку дня вышел вопрос, кто же был первым “народным партизаном”? Н.П. Поликарпов писал, что такая замечательная особенность войны 1812 г., как “народная война и действия *народных партизанов-добровольцев* почти совсем не исследована ни общею, ни военною историями... До сих пор наша историческая литература совершенно неправильно припи-

сывает князю Кутузову идею и осуществление народной войны..., а подполковнику Давыдову – инициативу партизанской войны”. Между тем, “архивные первоисточники положительно свидетельствуют, что народная и партизанская войны” возникли ещё до прибытия Кутузова: народную войну впервые – в конце июля – возбудили П.Х. Витгенштейн и М.Б. Барклай де Толли, а партизанскую – А.П. Тормасов и Барклай.³ Попутно заметим, что на рубеже 19-20 вв. в литературе наметилась тенденция неправомерного именованья народных дружин (кордонов) “партизанскими отрядами”.

Советские авторы, по невежеству своему, окончательно объявили все крестьянские отряды партизанскими и резко критиковали своих предшественников. “Дворянские историки, - писал И.И. Ростунов, - немало потрудились над тем, чтобы представить царское правительство в роли организатора борьбы народных масс против войск Наполеона... Однако исторические факты не подтверждают эту точку зрения. Наоборот, они свидетельствуют о том, что *царь и его сановники ничего не сделали для поддержки стихийно возникшего партизанского движения в стране. Они не решались вооружать широкие народные массы*”. Н.А. Троицкий констатировал, что “советская историография *давно уже опровергла тезис дворянских историков о том, что вождём народной войны против Наполеона был господствующий класс России, которым героически руководил... самодержец Александр I*”.

В советской литературе утвердился тезис, что *народные массы России самостоятельно, без разрешения начальства и даже вопреки ему развернули массовую борьбу с вторгшимся в её пределы нашествием*. Основанием для такого утверждения стали заявления декабристов. *“Не по распоряжению начальства,- писал И.Д. Якушкин,- жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией”*. Д.И. Завалишин заявлял, что во время войны правительство совершило ряд серьёзных ошибок, от губительных последствий которых *“Россия избавилась только самостоятельным действием и доблестью народа, независимо от правительства и даже как бы вопреки ему”*. Резюмируя эти высказывания, Троицкий заявил, что *“на защиту отечества народ поднимался в 1812 г., как свидетельствуют очевидцы, “не по распоряжению начальства”, а “сам собою”*”⁴

Однако, по сути дела это был всего лишь постулат, ибо никаких фактических доказательств своих утверждений декабристы не приводили. Тот факт, что они участвовали в войне в качестве младших офицеров гвардейских полков, ещё не доказывает, что они были очевидцами народного вооружения. К тому же, эти слова были написаны много лет спустя антиправительственно настроенными революционерами, что ставит под сомнение их объективность. Но для марксистов, с их убогим *“классовым подходом”*, последнее обстоятельство было как раз положительным качеством. Как же доказывали они постулат, выдвинутый декабристами?

1. Первым аргументом стало утверждение, будто бы народное сопротивление возникло с первых же дней войны. *“Едва враг переступил границу,- писал Н.Ф. Гарнич,- как в Литве, Белоруссии и на Украине возникла народная, партизанская война”*; *“литовцы немедленно ответили на разбой и надругательства войск Наполеона быстро разраставшимся партизанским движением”*, и *“в тылу наполеоновских войск от самой границы России развернулось массовое партизанское*

движение”. На самом же деле значительная часть жителей Литвы встречала наполеоновские войска как освободителей, помогала им и вредила русским, а крестьяне Белоруссии скрывались в лесах, отбиваясь от мародёров и грабя имения своих помещиков. Вовсе не мирное население уничтожало здесь запасы, а отступавшая русская армия – свои магазины. Одним словом, никакого *“народного партизанского движения”* на указанных территориях не было.⁵

2. Если дворянские историки считали создание ополчения заслугой дворянства, то советские авторы отрицали это утверждение.⁶ Некоторые из них даже уверяли, что крестьяне поступали в ополчение по собственной инициативе, проявив небывалую активность. *“Патриотический подъём народа выразился и в массовом вступлении в народное ополчение,- писала О.В. Орлик.- Крепостные крестьяне добивались от помещиков разрешения и шли в ополчение... Хотя далеко не все помещики соглашались отпускать крепостных крестьян, десятки тысяч крестьян искали и находили путь к вступлению в ополчение. Они бежали от помещиков, записывались под вымышленными именами, иногда открыто требовали от губернаторов принять их в ополчение “без согласия господ своих”*”⁷ Всё это является вымыслом чистой воды, ибо, как верно подчеркнул Б.Ф. Ливчак, *“крепостные крестьяне и дворовые помещичьи люди поступали в ополчение от лица помещика как его пожертвование, поэтому самостоятельное, добровольное поступление крепостного, помимо воли его владельца, было невозможно”*.⁸ Науке известны всего три случая, когда крепостные крестьяне, по незнанию условий приёма в ополчение, пытались поступить туда без позволения своих господ.

3. Но инициативу в организации *“партизанских отрядов”* (на самом деле, дружин самообороны, кордонов) советские авторы единогласно приписывали крестьянам. *“Многочисленные факты,- уверял Л.Н. Бычков,- свидетельствуют о том, что инициатором партизанской борьбы против наполеоновской армии явилось отнюдь не царское правительство и не местные власти, а именно крес-*

стьянские массы”. Л.Г. Бескровный писал, что крестьяне, “не ожидая приказа правительства, вооружились и повсеместно вели борьбу с захватчиками”. А.Н. Кочетков считал, что “стихийная народная борьба с захватчиками, конечно, не нуждалась в “разрешении начальства””.⁹ Но вместо многочисленных фактов мы находим у данных авторов лишь ссылки на высказывания декабристов – получил замкнутый круг.

“Приближение противника к украинским губерниям,- писал Б.С. Абалихин,- вызвало новый подъём народа. На борьбу с французскими мародёрами поднялись крестьяне и ремесленники... По своей инициативе население создавало дружины самообороны”. Не приведя ни единого доказательства этого утверждения, он заявил, что “местные власти решили использовать народную инициативу и подчинить себе дружины самообороны”. В подтверждение этого он привёл слова генерал-губернатора Малороссии Я.И. Лобанова-Ростовского: “Предписал я пограничным селениям... вооружиться поголовно всякой дреколюю”.¹⁰ Зашоренность “зомбированного” марксизмом историка поражает - он даже не заметил, что сведения приведённого им источника опровергают его собственный постулат.

Между тем, 9/21 июля Александр I написал епископу Смоленскому Иринею о том, что некоторые жители “скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разъездов, появляющихся в далеком еще расстоянии от Смоленска; возлагаем Мы на вас пастырский долг: внушениями и увещеваниями своими собрать их и не токмо отвращать от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупляясь вместе, старались вооружаться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и повсюду истребляли их и вместо робости наносили им самим великий вред и ужас”.¹¹ Это увещевание читалось по всем церквам губернии и, несомненно принесло пользу. В “Обращении к псковским, смоленским и калужским обывателям” от 1/13 августа Барклай писал, что “многие из жителей губернии

Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих..., карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя!”.

А.Г. Тартаковский считал, что результатом обнаружения этой листовки Барклай “явились самостоятельно возникавшие крестьянские отряды”.¹² Однако, о какой “самостийности” можно говорить, если уже был получен приказ сверху?! В процитированных историком записях Ф. Глинки говорится: “Война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей собираться, вооружаться и действовать... Дозволят – и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам” (19/31 июля). “Вооружайтесь все, вооружайтесь всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак – народная война!” (8/20 августа). О том же писал очевидец событий Г. - Зельницкий, отметивший, что патриотический дух калужских крестьян “обнаружился тогда, когда им благоразумно объявлены, внятно прочтены и растолкованы были разные начальнические увещания, особливо воззвание к жителям сей губернии г. главнокомандующего”.¹³

Наивно полагать, что в феодальном государстве крепостной человек мог свободно, без разрешения помещика и властей взяться за оружие. Даже дворянство испрашивало на это разрешения у царя. Ясно писал об этом генерал А.П. Ермолов: “Поселяне приходили ко мне с вопросом: позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнуться ли за это ответственности? Главнокомандующий приказал издать воззвание к жителям Смоленской губернии, приглашая их противостать неприятелю”. Характерны и слова одного мужика, сказанные поручику И.Т. Радужицкому: “Сперва,- говорил один воин-мужичок,- мы боялись бить француза, чтобы нас за это не потянули в суд; когда и удавалось в одиночку загубить нехристя, то прятали окаянных в колодцы и под солому. Ну, уж как пришёл приказ из губернского, и нам исправник сказал: “Ребята! Бей француза напропалую!” – тогда-то мы разверну-

лись?»¹⁴

Известно, что в некоторых уездах Калужской губернии кордоны из обывателей были учреждены губернатором П.Н. Каверыным. В Бельском, Сычевском, Юхновском уездах Смоленской губернии их организовали местные предводители дворянства. Причём, как верно заметил С.В. Шведов, «*гражданская администрация лишь выполняла указы царя, когда вооружала ополчение..., когда всячески помогала созданию вдоль захваченных территорий “кордонной стражи”*».¹⁵ Советские авторы постоянно подчёркивали, что «партизанскими» отрядами руководили представители сельской администрации, простые крестьяне, дворовые люди и солдаты. Но нужно же понимать, что в подавляющем большинстве случаев эти отряды были созданы по приказу сверху, а не по их личной инициативе! В свете этих фактов не иначе как фальсификацией является утверждение В.А. Федорова о том, что «*вопреки бездеятельности царского правительства и общественной инертности большинства дворян, пламя партизанской борьбы перекинулось в Смоленскую, а затем в Калужскую и Московскую губернии*».¹⁶

4. Советские авторы утверждали, что «народная партизанская» война началась раньше, чем действия армейских партизан, и что первая породила последних. «Ещё до организации командованием русской армии партизанских отрядов,- заявлял Бычков,- в стране стала развёртываться *самодетельная, так сказать, партизанская борьба крестьянства*».¹⁷ Никаких доказательств этого автор не привёл, а вот академик Е.В. Тарле нашёл людей, которые начали «партизанить» задолго до Д.В. Давыдова - С. Еременко, Самусь и «крестьянин Ермолай Васильев».¹⁸ Незадача лишь в том, что два последних персонажа суть не что иное, как литературная реминисценция реального солдата Е. Четвертакова, а о первом известно, что он *лишь однажды 30 октября/11 ноября* напал с мужиками на партию мародёров. П.Г. Рындзюнский написал, будто «*войсковые партизанские отряды... выросли на основе всенародного патриотического подъёма*». П.П. Вершигора

утверждал, что к началу сентября «*народное партизанское движение уже охватило территорию от Минска до Вязьмы и от Вильно до Припяти*. Небывалое по своему размаху стихийное движение народа подсказало Денису Давыдову «*план партизанских действий*»».¹⁹ Правда, сам Давыдов утверждал прямо противоположное. Обосновывая свой партизанский эксперимент перед П.И. Багратионом, он говорил: «Обратное появление наших посреди рассеянных от войны *поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную*». Через некоторое время он «*роздал крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров*». О том же писал и Радожицкий: «*Партизаны наши, ободряя крестьян... открыли народную войну во всей её силе, со всеми ужасами*».²⁰ Отсюда видно, кто на самом деле был иницирующей стороной.

Советские авторы долгое время игнорировали вывод Поликарпова о том, что именно Барклай был инициатором народной и партизанской войны, пренебрежительно относились к его призывам, объявив их запоздавшими и неэффективными. Высосав из пальца утверждение о «широком размахе крестьянского партизанского движения» в Литве и Белоруссии, Бычков писал, что «*только в ответ на эту инициативу населения* командование русской армии решило официально призвать население Смоленской и других губерний к активной борьбе... Однако Барклай-де-Толли не смог выступить в роли организатора крестьянской, народной войны»; это оказалось по силам лишь М.И. Кутузову. Гарнич даже обвинял Барклая в том, что он недооценивал народный характер войны и «не оказал никакой своевременной организационной, материальной и моральной помощи тому мощному, всенародному партизанскому движению, которое *стихийно развернулось* в Литве, Латвии, Белоруссии и на Украине».²¹ Все эти обвинения, мягко говоря, несправедливы.

Лишь в 60-х годах мнение Поликарпова поддержал Тартаковский, который считал, что «обращение Барклая де Толли следует

понимать как призыв к развёртыванию *партизанского движения*". Но Тартаковский "перегнул палку" в другую сторону. Он полагал, что, "хотя обращение направлено формально к жителям трёх губерний, наиболее близко расположенных к театру военных действий, его лозунги имели общероссийское значение. Оно заключало в себе призывы к развёртыванию вооружённого *крестьянского движения*..., что *противоречило самому существу охранительных установок* изданных в то же время правительственных манифестов об ополчении". Он считал, что "ввиду общенационального характера заключённых в нём призывов, обращение, наверняка, распространялось в... *других губерниях*".²²

Полагаем, что для столь расширительного и радикального толкования призывов Барклая нет абсолютно никаких оснований. Генерал не имел таких полномочий и мог распоряжаться только на театре военных действий. В прочих губерниях, согласно царским манифестам, формировались ополчения; там не было неприятеля, а значит и нужды в "партизанских" отрядах. Наивно думать, будто Барклай призывал, а император разрешил бы "самостийно" вооружаться крестьянам в незатронутых войной губерниях. Поэтому неправомерно противопоставлять царские манифесты и воззвание Барклая – они относились к разным территориям. поголовно вооружаться разрешалось только жителям "прифронтовых" уездов. Напомним, что ещё 27 июня/9 июля царь написал Барклаю: "Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей *воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера*". Следовательно, призывы Барклая являлись лишь исполнением воли монарха.

5. Советские авторы с негодованием опровергали дворянских историков, которые "постарались изобразить дело так, якобы вдохновителем борьбы народа против Наполеона являлся русский царизм". Это не лезло ни в какие ворота марксистского "священного писания", а ргоіг утверждавшего, что главным двигателем истории являются народные

массы. Поэтому усилия царя, правительства, дворянства и духовенства в деле организации народного сопротивления либо упоминались вскользь, либо искажались, либо полностью замалчивались.

При этом "бездеятельность" правительства непременно противопоставлялась небывалой активности М.И. Кутузова. Абалихин заявил, что "правительство категорически запретило вооружать население, не вошедшее в ополчение", а А.В. Фадеев даже уверял, будто бы дозволения народу вооружаться "не было дано до конца войны". Излишне говорить, что это ложь. Орлик подчёркивала, что "царское правительство боялось *массового* вооружения народа, особенно создания больших крестьянских отрядов. *Вынужденная уступка* была сделана *только в организации ополчения*".²³ "Не могли одобряться и поощряться правящими кругами,- лгал Рындзюнский,- и такие формы народной войны, как партизанские отряды крестьян и горожан. *У нас нет ни одного свидетельства о положительном отношении правящей бюрократии к самоотверженной борьбе крестьян*". Кутузов же решительно "вмешался" в действия народных партизанских отрядов, причём "это вмешательство шло вразрез с политикой правящих кругов". Если царь отводил крестьянам только пассивную роль, то "Кутузов всемерно старался расширять патриотическое движение крестьян". В этом не может быть сомнения, соглашался с ним С.Б. Окунь и утверждал, что "вопреки стремлениям петербургского центра всеми возможными средствами предупредить вооружение крестьян, штаб Кутузова принимал все меры для вооружения широких народных масс". Фадеев уверял, что, вопреки стремлениям правительства, Кутузов требовал "широкого, ничем не скованного развёртывания народной инициативы, *поголовного вооружения добровольцев*, всемерного поощрения крестьянского партизанского движения".²⁴

Здесь мы сталкиваемся с беспардонной фальсификацией. Первый призыв к обывателям трёх губерний исходил от Барклая, Кутузов же воззваний такого масштаба не издавал, но отдавал более частные указания ко-

мандирам партизанских партий о вооружении посленян оружием, отобранным у неприятеля. Его действия в этом плане лишь продолжали линию Барклая. Ни Барклай, ни Кутузов не могли в столь опасном, “обоюдоостром” для устоев дворянского государства вопросе, как вооружение крестьянства, действовать без разрешения или одобрения самодержца. Заявления о “массовом вооружении” народа являются ни чем иным как банальным анахронизмом, ибо в то время это было объективно невозможно сделать - оружия не хватало даже ополченцам.

Чтобы поставить точку в этом споре, обратимся к фактам. Осознание того, что война с Наполеоном, этим “исчадием революции”, будет носить особо опасный для российского государства характер, возникло у правящих кругов ещё во время войны 1806-1807 гг. Тогда губернаторам была разослана секретная инструкция по поводу организации ополчения: “Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против неприятеля..., который действовал не одною силою оружия, но и всеми способами обольщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старался прежде всего ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожать всякое помещичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренные основания государства, похищать законное достояние и собственность прежних владельцев... Из сего видно, что война с таким неприятелем не есть война обыкновенная, где одна держава спорит с другой о праве или пространстве владений. В настоящей войне каждый помещик, каждый владелец должен признать себя лично и непосредственно участвующим: ибо цель неприятеля есть ниспровергать всякое личное имущество, всякое право собственности”.

Губернаторам было вменено “в обязанность внушить помещикам сии истины. Они покажут с очевидностью им, что каждый из них, содействуя сему ополчению, будет содействовать не только общей безопасности государства, но и защищать собственное свое

личное право, достояние своих детей, своего рода, собственность своих владений”.²⁵ Ясное, как говорится, не скажешь. Правительство не без оснований предполагало, что война с Наполеоном может обрести социальный, революционный характер. Несомненно, что данные разъяснения сохранились в памяти помещиков до 1812 г.

Но и тогда не лишним было напомнить дворянству об особо опасном характере начавшейся войны. О том, как правительство решило эту задачу, Александр I рассказал в августе финскому чиновнику Эренстрёму. “Набор рекрутов постоянно вызывал ропот и неудовольствие со стороны владельцев этих людей”, а потому “теперь нужно было убедить народ, что правительство не ищет войны, что оно вооружилось только на защиту государства, надо было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским по прошествии ста с лишком лет, впервые вблизи у них на родине; это было единственным средством сделать ее народною и сплотить общество вокруг правительства для общей защиты”.²⁶ Хотя Александр и говорил здесь о народе, он имел в виду, прежде всего, дворян. Но это была лишь одна сторона дела, ибо воодушевить нужно было не только их, но и крепостной люд. А эта задача была, несомненно, гораздо более сложной, так как, в отличие от помещиков, мужиков нельзя было припугнуть угрозой утраты социально-политических привилегий. Задача осложнялась ещё и тем, что у всех на памяти был печальный пример милиции 1806-1807 гг. Тогда, вопреки обещаниям распустить ратников по домам после окончания войны, они в подавляющем большинстве были оставлены на службе.²⁷

“У правительства Александра I,- отмечал Окунь,- возникла задача чрезвычайной сложности: не только *не отстраняться от народной войны*, но и *в известной мере её возбудить и поддерживать* при условии лишения её всякого антикрепостнического начала” (Заметим, как осторожно и обтекаемо выразился советский историк, разрывавшийся между реальными фактами и идеологическими догмами). Действительно, убедить кре-

стьянство было очень сложно; на него могла воздействовать только религиозная пропаганда. Незадолго до начала войны П.А. Чуйкевич подчёркивал, что России придётся рассчитывать лишь “на собственные свои силы и прибегнуть к средствам необыкновенным, кои обрящет в твердости своего Государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить, как в Гвишпании, с помощью Духовенства”. Таким образом, ещё до начала войны у русского правительства и командования были планы развёртывания народной войны, как, впрочем, и партизанских действий. Но религиозно-монархическая пропаганда была развёрнута во всю свою мощь лишь в исконно русских православных губерниях и способствовала приданию войне особо непримиримого, ожесточённого характера.

После начала войны не только правительство было озабочено формированием ополчения и созданием кордонов. Некоторые дворяне также проявили инициативу, иногда даже опережая в этом плане царя. Через своего предводителя А.Д. Лесли смоленское дворянство 7/19 июля изъявило желание исполнить свою обязанность и просило монарха “дозволения назначить из областей Смоленской губернии к временному вооружению до двадцати тысяч или более в подкрепление здесь находящихся войск на защиту губернии... Сии защитники отечества, назначенные по городам и уездам, оставаться могут при своих жилищах до востребования к месту..., где настоять будет нужда или опасность”. Они будут охранять уезды от малых неприятельских партий.

Царь дал своё согласие на это предложение и указал, кого следует набирать туда в первую очередь. Министр полиции А.Д. Балашов пояснил Ф.В. Ростопчину 6/18 июля, что император “изволит полагать удобнее всего для первоначального состава нужного внутреннего ополчения употребить господских дворовых людей..., из коих бывших в псарях, в конюших и кучерах, форейторах и при конских заводах и могут употребляться для состава кавалерии, прочие же пехоты”. Это вполне рациональное предложение П.Г. -

Андреев интерпретировал по-марксистски: “Главная мысль царя, ясно и отчётливо выраженная в его указаниях, – избежать массового вооружения народа, крепостных крестьян. Царь предлагал смоленским дворянам вооружать в первую очередь лесничих и господских егерей, псарей, конюхов. Крестьяне (“прочие”) вооружались в последнюю очередь и полностью включались в состав регулярной армии”. Андреев совершил здесь прямую фальсификацию, ибо о крестьянах царь написал: “Распределяя для обучения по резервным батальонам”. После обучения крепостные направлялись в губернские ополчения и никоим образом не включались в состав регулярной армии, в чём их неоднократно уверяли, памятуя печальный опыт милиции 1806-1807 гг.

В этой связи упомянем, что волынский губернатор Комбурлей, хотя и из иных побуждений, планировал организовать ополчение “из шляхты, помещичьих казаков и лесничих”, как “наиболее способных действовать оружием”. Точно также и новая власть в Литве, учреждённая Наполеоном, прежде всего привлекала в “посполитое рушение” (милицию) “сторожей охотничьих угодий (gardes-chasses)” и “обывательских стрелков”.²⁸ 12/24 июля Александр сообщил Н.И. Салтыкову, что смоленские дворяне предложили вооружить 20 тыс. чел., московские – 80 тыс. “Нельзя ли,- писал он,- приступить к формированию в Петербурге на подобие того, что делается в Смоленске и Москве? Употребя псарей, конюших, конюхов, форейторов господских, словом людей ездивших верхом, сие может весьма скоро составить казачьи полки”.²⁹

Инициативу проявили и некоторые представители местных властей, например, калужский губернатор П.Н. Каверин. Ещё до получения царского манифеста от 6 июля он 11-го числа, “по доходящим до него слухам о приближении неприятельских сил к Смоленску, представил к г. главнокомандующему в Санкт-Петербурге, чтоб дозволено было дворянству Калужской губернии вооружить из поселян их две тысячи человек, для пограничного кордона, с чем отнесся тогда-же и к г.

министру полиции”. Но 12-го числа он получил царский манифест о созыве ополчения.³⁰ Впрочем, одно другому не помешало, и в губернии, помимо собственно губернского ополчения стали формироваться и местные дружины самообороны. Как писал Каверин, воля императора, “в сем манифесте изображенная, есть – чтобы, *кроме известного ополчения внутренней военной силы, всякий гражданин и поселянин в доме своем и везде был готов на защиту себя и поражение неприятеля*”.³¹ Тверской губернатор сообщил, что “Сычевский исправник, *сам собой и без предписания от начальства, по неимению там одного много истребил французов*”.³²

Что касается “инициативы широких народных масс”, о которой столь вдохновенно распространялись советские писатели, то здесь необходимо обратить внимание на некоторые факты, которые либо замалчивались этими сочинителями, либо были им попросту неизвестны. Начальник кордонов Медынского уезда написал Калужскому губернатору 29 августа, что партии французов сожгли несколько деревень, “чем привели жителей в немалую робость”. Через день он сообщил, что “10 бикетов неприятельскими партиями разогнаны” и просил прислать команду регулярных войск. В тот же день губернатор приказал казачьему полку А.И. Быхалова направиться в уезд, поскольку там “бикеты из крестьян разогнаны”. П.Н. Каверин, принявший под руководство южную часть Смоленской губернии, писал царю: “Внушение неприятеля в занятых им местах... повсеместно между поселянами рассеиваемое, уверенность в непринадлежности более России и в неприкосновенности к ним власти помещиков могло поколебать их умы; от чего некоторые в Смоленской губернии способствовали неприятелю в отыскании фуража и сокрытых имуществ, а другие, сообщась с ним, попускались даже на грабительство господских домов. Приписывая сие наиболее простоте и неведению поселян, а паче тому, что они оставались без всякаго над ними начальства, не приступаю... к явным разысканиям... Напротив в других местах, где начальство могло иметь свое действие... при всяком непри-

ятельском покушении с таковою лестию или на похищение поселян, везде встречали от них совершенную гибель”.³³

Подполковник С.В. Непейцин 27 июля/8 августа донёс Псковскому губернатору Шаховскому, что в Витебской губернии “низкой народ... при малейшем появлении мародеров приходит в ужас [и] разбегаются, оставляя всю свою собственность”. На следующий день Шаховский запросил казаков или гусар у Вязмитинова, заявив, что “ежели не дадут мне помощи, то в Великих Луках жители и помещики могут разбежаться, что по немногу уже и начинается”. Донесение Шаховскому от 12/24 сентября гласит, что в Городецком и Невельском уездах “крестьяне, не видя перед собой защиты, убаиваясь малых французских набегов, не знают к какому покровительству прибегнуть”. Те же чиновники написали Шаховскому 19 сентября/1 октября, что “крестьяне от того заключаются бунтующими, что французские набеги, и то в малом количестве, наводят на них страх. А крестьяне, будучи непросвещенными и не видя перед собой со стороны нашей чинов, коим власть вручена, защиты, принужденно находят себя оным повиноваться”.³⁴

Тверской губернатор донёс в комитет министров, что, в отличие от Сычевского уезда, где местные власти организовали народное сопротивление, из Поречского и Духовщинского уездов Смоленской губернии уехали все власти и помещики. Оставшиеся же там крестьяне “без покрова, без пристанища достойны всякого сожаления, они легко могут истребить небольшие шайки шатающихся голодных бродяг, но *где нет устройства, порядка и надзора, там сделать всего встревоженные или, так сказать, испуганные крестьяне никак не могут*. В таком положении крестьян злодей, воспользовавшись их слабостью, издал прокламацию, которою приглашает их к своему покрову”. Отсюда возникла опасность, что “люди разоренные, лишенные средств к защите их и промышленности без начальства чего не могут сделать по своему простодушию? Они слепо поверят ласкательству злодея”. С его слов герцог Ольденбургский написал царю, что

оставшиеся без властей и помещиков крестьяне “тем более достойны сожаления, что весьма легко могли бы истребить сии шатающиеся голодных бродяг шайки, есть либ было там надлежащее устройство и порядок: но что могут сделать встревоженные крестьяне без надзора, распорядка и руководства?”.

Крестьяне “Московской губернии Волоколамского уезда также остались без начальственного руководства некоторых помещиков и Никольской волости экономические крестьяне, уповательно обольщенные внушениями неприятеля, выступив из повиновения своим помещикам, прикащикам и старостам называют себя принадлежащими уже французам, грабят господ своих имение... , словом совершенно взбунтовались”. Полковнику А.Х. Бенкендорфу было поручено усмирить этих крестьян, которые вышли из повиновения, “говоря, что они ныне французские”. Он направил туда 50 казаков, которые привели к нему вождей бунтовщиков. 19 сентября/1 октября он донёс, что крестьяне, которых “объявили восставшими, не являются бунтовщиками”. Помещики и приказчики покидают крестьян при приближении врага и “имеют низость говорить, что некоторые из них называют себя французами; они привязаны более чем когда-либо к своей религии... , они привязаны более чем когда-либо к своим господам и имя императора является священным среди них”. Крестьяне “отказываются работать на своих хозяев”, но они же “убили и взяли в плен более 100 французов. Повсюду крестьяне крестятся, восхваляя небо, когда они видят нескольких казаков, присоединяются к ним и соглашаются проливать свою кровь за Россию и имя императора... и эти храбрые русские просят казака, чтобы руководил ими против неприятеля”. Бенкендорф считал, что крестьян не следует наказывать, так как там, где имеются русские власти, “они слепо повинуются и восхваляют имя нашего милейшего императора”.³⁵ Трудно сказать, насколько объективен был в данном случае Бенкендорф, так как для него вообще характерно явно идеализированное представление о “единении всех сословий вокруг престола”

- об этом же он писал и в своих мемуарах. Но и в других уездах крестьяне нередко именовали себя “французскими” по причине исчезновения русских властей.

Нередко мирные жители обращались в бегство при одном только слухе о приближении противника или при отъезде властей. Так, Дмитровский городничий, узнав о занятии неприятелем Москвы, велел всем властям срочно оставить город, и “довел тем некоторых жителей города до буйства и неповиновения и соседственных деревень до того, что все почти принялись бежать”. Но прибывший с ратниками уездный исправник навёл в городе порядок. Стоявший с отрядом в г. Белом подполковник Дибич 1-й “8 октября пропустил ложный слух, якобы неприятель идет к г. Белому в больших силах, с артиллерийскими орудиями, приказывая всем жителям города удалиться из домов своих” и даже приказал пехоте отступить к г. Ржеву, “через что навлек к городу и уезду страх и ужас, отчего бедные жители города принуждены были, оставя свои дома, а иные и имущество, бежать для сыскания убежища в лесах”.

Сходные инциденты произошли и в Калужской губернии. Крестьяне трёх деревень Малоярославецкого уезда “вышли из послушания”, а именно, при ложном слухе о приближении неприятеля, покинули свои селения. В такой же ситуации жители Боровска поспешно выехали из города, несмотря на предписания властей. Каверин попенял им за это “своевольство”, так как раньше они обещали ему, что “все готовы прежде умереть, нежели дать злодею овладеть городом”.³⁶

Понятно, что подобные документы советские авторы предпочитали не цитировать. Рындзюнский критиковал дореволюционных учёных за то, что они “не проявляя в должной мере критического отношения к документам, относили на счёт местных администраторов те немаловажные достижения в организации народной борьбы, которые по праву принадлежат Кутузову”.³⁷ По какому такому праву эти “достижения” принадлежали Кутузову непонятно, ибо народная борьба была инициирована царём и Барклаем ещё до принятия им командования. Между тем из про-

цитированных документов ясно видно, что *самостоятельно, без руководства властей, крестьяне и обыватели в большинстве случаев не могли организовать и противостоять даже малочисленным шайкам мародёров!* Их “инициатива” проявлялась лишь в том, чтобы разграбить (иногда вместе с французами) имение помещика или отказаться работать на него. Там, где ослабевала дворянская администрация, крестьяне более или менее вынужденно вставали на путь сотрудничества с противником.

Там, где русские власти проявляли активность, они поднимали крестьян на борьбу с неприятелем. Если крестьяне чувствовали за спиной поддержку русских властей и войск, они смело вели себя перед лицом противника. Капитан Х. Дембинский вспоминал, как при движении к Медыни поляки вступали в разговор с крестьянами, прятавшимися в лесах и пытались “их убедить в том, что они побеждены, обычный ответ мужиков был: “И Смоленск ваш, и Москва ваша, но мы не ваши”. С жестоким доказательством этого неповиновения столкнулся вскоре не один из наших солдат, так как крестьяне, наткнувшись где-либо на единичного солдата, безжалостно забивали его палками”.³⁸

Были, конечно, и исключения, когда, например, Е. Четвертаков или рославльские обыватели действительно проявили личную инициативу. Но относительно большинства “народных героев” невозможно документально доказать, что они действовали по собственному почину, а не по приказу начальства. Так, Поликарпов уверял, что инициаторами народной войны в Мосальском уезде Калужской губернии стали сокольник В. Половцов и бурмистр Ф. Анофриев в с. Спаском. По его словам, они сами решили “противодействовать партиям французских фуражиров и мародеров и стали вербовать в свою партизанскую партию волонтеров-крестьян”. Они расположили крестьян по границам вотчины М.П. Нарышкина; лишь позднее сюда прибыл полк Калужского ополчения.³⁹

Однако, в документах, на которые ссылался историк, говорится нечто иное. Когда стали появляться мародёры, Половцов “от

баревых стрелков” набрал “50 верховых стрелков и 300 человек для кардону. Всегда в готовности продержал их с дозволения г. Нарышкина на щот вотчины”. С 50 конными он всегда делал мужественный отпор разбойникам ещё до подхода ополченцев.⁴⁰ Следовательно, Половцов набирал крестьян для кардона, то есть по приказу сверху, ибо они создавались по распоряжению губернатора ещё до появления неприятеля. Кроме того, он действовал с дозволения своего помещика. К тому же, история Четвертакова показывает, что сами крестьяне не спешили проявлять инициативу. Когда он стал призывать жителей д. Басманы заранее организовать отряд, чтобы отбиваться от мародёров, “крестьяне приняли его *вполне равнодушно*”, так как неприятеля они ещё не видели. Пришлось драгуну идти в другое селение.

С самого начала войны Александр I проявил завидное упорство в достижении конечной цели войны.⁴¹ Понимая её особый характер, он решился пойти на “меры необыкновенные” – вооружить крепостной народ, причём кое-где поголовно. Нетрудно понять, что в условиях крепостнического государства, при наличии на его территории противника, способного при необходимости пустить в дело революционную пропаганду, это был поступок весьма рискованный. Так что, вопреки всем поношениям царя со стороны советских авторов, он вёл себя во время войны весьма достойно и последовательно, хотя и допускал некоторые ошибки. С.В. Шведов справедливо заметил, что “подвиг, который совершил народ в 1812 году, не был спонтанным, он исподволь готовился властью, сначала с помощью пропаганды, затем с помощью организационных мер”.⁴²

Итак, пресловутый “классовый подход” заставлял советских авторов идти против всяких фактов и элементарной логики. Они дружно игнорировали тот факт, что в России существовала абсолютная монархия, что от воли самодержца зависело принятие важнейших для страны решений, тем более столь ответственного, как вооружение крепостного люда. Инициатором “народной войны” и главным победителем неприятеля был объяв-

лен самый тёмный, забитый, бесправный, лишённый всякой инициативы класс России – крепостное крестьянство. Признавая его “пассивное” и приниженное положение в обществе (политическое и экономическое бесправие), марксисты, вопреки элементарной логике, постулировали его иницилирующую и руководящую роль во время войны 1812 г. Крестьяне в массе своей не только не могли, не имели права, но и попросту не умели, в силу ужасной темноты и безграмотности, проявлять эту инициативу. Каким образом самое бесправное сословие общества могло инициировать военные действия такого масштаба, не имея на то ни власти, ни способностей, ни возможностей? Лишь извращённое марксистско-ленинское классовое мышление могло привести к такому умозаключению. Очередной порождённый им миф рухнул при проверке его фактами и логикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В то время под словом “народ” часто имелись в виду все сословия общества. Так, Г. Зельницкий писал, что манифестом Александра “приглашаются все сословия народа возстать против нарушителя спокойствия”, что на этот призыв откликнулись “все состояния народа” (Зельницкий Г. Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии... М., 1815. С. 36, 42, 44).

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1812-1815 г. СПб., 1899. С. 67, 69.

³ Поликарпов Н. Серые герои Отечественной войны... // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 415-418, 393; № 13-14. С. 468-472.

⁴ Якушкин И.Д. Записки. М., 1951. С. 7; Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 104; Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805-1814 гг. М., 1979. С. 95; Ростунов И. Народные массы в России в Отечественную войну 1812 г. // ВИЖ. 1962. № 6. С. 3, 6; Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград.

1967. С. 107; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 210, 221.

⁵ Подробнее см.: Попов А.И. Партизаны 1812 г. // Исторические исследования: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Самара, 2000. С. 76-77; он же. Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 175-176, 178.

⁶ Ростунов. Указ. Соч. С. 12; Сошин Н.И. Советская историческая литература о роли классов и сословий в разгроме наполеоновских войск в 1812 г. // Вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Калинин, 1977. С. 134.

⁷ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 341; Орлик О.В. Великий подвиг народный. М., 1981. С. 13-14; Копылов Н. Народное ополчение в 1812 г. // Военная мысль. 1941. № 8. С. 91; Ростунов. Указ. Соч. С. 13.

⁸ Ливчак Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России. Свердловск, 1961. С. 73-74; Троицкий. Указ. Соч. С. 210.

⁹ Кочетков А.Н. Партизанская война // 1812 год. Сб. ст. М., 1962. С. 166; Гарин Ф.А. Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 464; Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 236; Червяков Д. Партизанские отряды в Отечественной войне 1812 г. // ВИЖ. 1941. № 6-7; Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 29; Бескровный. Указ. Соч. С. 341; Ростунов. Указ. Соч. С. 6, 8; ВИ. 1972. № 1. С. 116; История СССР. 1972. № 2. С. 115; Троицкий. Указ. Соч. С. 221, 224; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестке мнений... М., 1990. С. 68.

¹⁰ Абалихин Б.С. Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 99.

¹¹ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XVII. СПб., 1912. С. 276-277 (далее ВУА); Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. М., 1912. С. 7.

¹² Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 33, 36.

- ¹³ Зельницкий. Указ. Соч. С. 51, 71.
- ¹⁴ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 147; Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста. Ч.1. М., 1835. С. 238-239.
- ¹⁵ Булычев Н.И. Архивные сведения... Калуга, 1911. С. 13, Прил. 12-13; Народное ополчение. Сб. док. М., 1962. С. 143, 144, 183, 187, 194-196; Шведов С.В. Москва в Отечественной войне... // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С. 33.
- ¹⁶ История СССР. 1962. № 6. С. 24; Абалихин, Дунаевский. Указ. Соч. С. 62.
- ¹⁷ Лещинский Л.М. Кутузов и "малая война" // М.И. Кутузов. М., 1947. С. 145; Исторический журнал. 1937. № 8. С. 66; 1938. № 10. С. 66; Орлик. Указ. Соч. С. 19.
- ¹⁸ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 183, 234.
- ¹⁹ Полководец Кутузов. Сб. ст. М., 1955. С. 379; Жилин. Указ. Соч. С. 242; Вершигора П.П. Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 399, 370; Ростунов. Указ. Соч. С. 8.
- ²⁰ Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 199, 219.
- ²¹ Бычков. Указ. Соч. С. 34; Исторический журнал. 1937. № 8. С. 65; Гарнич. Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 101; Пунин Л.Н. Фельдмаршал Кутузов. М., 1957. С. 131-132; Кочетков. Указ. Соч. С. 166; Абалихин. Дунаевский. Указ. Соч. С. 105.
- ²² Листовки. С. 34-36; Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 49-51, 65-66, 69-71; Абалихин, Дунаевский. Указ. Соч. С. 138-139.
- ²³ Абалихин. Из истории классовой борьбы. 114; История СССР. 1962. № 6. С. 24; Орлик. Великий подвиг. С. 33.
- ²⁴ Полководец Кутузов. С. 374-375, 386, 396-397, 398; История СССР. 1962. № 4. С. 61, 63; № 6. С. 24; Игнатович. Указ. Соч. С. 76; Ростунов. Указ. Соч. С. 6; Орлик. Великий подвиг. С. 33; Троицкий. Указ. Соч. С. 210.
- ²⁵ Русский архив. 1895. Т. 2. С. 410; Исторический вестник. 1912. Т. 129. Стб. 1117-1118; Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 221; Ливчак. Указ. Соч. С. 39; Шведов. Указ. Соч. С. 33.
- ²⁶ Окунь С.Б. Русский народ и Отечественная война 1812 г. // История СССР. 1962. № 4. С. 4; Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 3. СПб., 1897. С. 101
- ²⁷ Ливчак. Указ. Соч. С. 50-51.
- ²⁸ Смоленское дворянское ополчение. Смоленск. 1912. С. 2-4; Дубровин. Указ. Соч. С. 42; Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск. 1959. С. 27; Сб. РИО. Т. 128. С. 491. Зельницкий. Указ. Соч. С. 37. Прим.; Ахлестышев. Указ. Соч. С. 513; Fabry G. Campagne de Russie. 1812: Operations militaires. Т. III. Paris, 1900. P. 249, 389.
- ²⁹ ВУА. Т. XIV. С. 61; Т. XVIII. С. 208; Т. XVII. С. 276.
- ³⁰ Слухоцкий Л. Устройство ополчения... // Журнал министерства юстиции. 1912. № 4. С. 270.
- ³¹ Булычев Н.И. Архивные сведения... Калуга, 1910. Прил. 12.
- ³² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 67. Л. 2; Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802-1826. Т. 2. СПб., 1891. С. 567.
- ³³ Государственный архив калужской области. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 11, 22, 23; РА. 1871. № 10. Стб. 1620-1621.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 46. Л. 4-5; Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916. С. 293, 299.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 67. Л. 1-2; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 192. Л. 27-28; Журналы комитета министров. Т. II. С. 567, 586, 702.
- ³⁶ М.Д. Город Белый и его уезд в 1812 году // Военный сборник. 1872. № 5. С. 119-120; Асонов В.И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. Сб. док. 19, 20; Малоярославец в Отечественной войне 1812 г. Сб. док. Малоярославец, 1992. С. 14-15.
- ³⁷ Полководец Кутузов. С. 398.
- ³⁸ Васильев А.А. Бой под Медынь... // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 26-27.
- ³⁹ Новая жизнь. 1911. № 8. С. 138-139; Тысяча восемьсот двенадцатый год. № 13-14. С. 474; Левшин А. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 25-26; Историчес-

кий журнал. 1937. № 8. С. 67.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 510-511 об.

⁴¹ Во время пребывания в Москве граф Толстой спросил Александра, что он намерен

предпринять, если Наполеон всё же займёт Москву? “Сделать из России вторую Испанию!”,- ответил император (Михайловский-Данилевский. Указ. Соч. С. 74).

⁴² Шведов. Указ. Соч. С. 33.

WHO WAS “INITIATOR” OF NATIONAL WAR IN 1812-TH YEAR?

© 2006 P.I. Popov

Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Samara

In article is analysed the question on the one who was the initiator and the organizer of national arms (militie and cordons) in national war of 1812. The urgency of a problem is caused by that this question, as well as the question on guerrilla war, has been thoroughly deformed and forged in marxist literature to please to her basic postulate on the leading part of broad masses in a history.